

Н. Мещеряков.

РАСПАД

(И. Наживин, Записки о революции)

Источник: Журнал "Красная новь", 1922, No 1. Стр. 230 - 237.

Оригинал здесь: SovLit - СовЛит.

Революция - сильный реактив. А в особенности революция пролетарская. В процессе необычайного обострения классовой борьбы, которым характеризуется революция, "разлагаются" самые крепкие, устойчивые общественные и политические группы, партии и объединения. Всякая группа или партия, составленная из разнородных по классовому составу элементов, в огне классовой революционной борьбы неизбежно разлагается на свои составные части.

Взгляните на наши политические партии времен царизма. Что осталось от них? Они или истлели в огне революции, или разложились на ряд группировок. А какими прочными они казались еще совсем недавно!

Взгляните на меньшевиков. Все лучшие, действительно революционные или пролетарские элементы этой партии ушли от нее к коммунистам. Большинство ее - балласт партии - обратилось в рядовых обывателей. В том, что продолжает называться "партией", в осталась только кучка доктринеров оппортунизма и реформации, кучка, обреченная на бездействие и на воспоминание о том прошлом, когда и они были революционерами.

Партия эс-эров казалась необычайно устойчивой. Эс-эры умели так приспособляться, так затушевывать все острые вопросы, лишая их всякой свежести и остроты, что в рядах этой партии мирно уживались самые разнообразные элементы. Но и эта партия не выдержала огня революции. Уже в начале революции из нее выделились левые эс-эры. За ними, позднее, ушла группа Буревоего, Вольского и других. Партийный балласт, как и у меньшевиков, ушел в ряды обывателей. А оставшееся небольшое ядро распадается на три течения, - правые, левые и центр.

Ту же картину распада наблюдаем мы и у кадетов, партия которых раскололась теперь на две группы, существующие совершенно самостоятельно одна от другой и ведущие друг с другом ожесточенную полемику.

Та же картина и в лагере толстовства. Это течение до сих пор питалось из двух источников. С одной стороны, это был протест помещного дворянства, которое не умело приспособиться к быстро развивающемуся капитализму и разорялось в новых условиях. Это дворянство мечтало о старых, патриархальных условиях жизни, когда не было еще сложных запутанных отношений общественной жизни. Оно скорбело о быстро умирающем натуральном хозяйстве, которое было основой власти феодального дворянства, и звало к отказу от культуры, к возвращению к доброму старому времени. Это была дворянская струя толстовского течения.

Но рядом с ней была и другая. Она питалась недовольством крестьянства, которое также жестоко страдало от быстрого развития капитализма и денежного хозяйства, вызывавших расслоение деревни, объединение значительной части крестьянства, быстрый распад старых, патриархальных семейных отношений и т. п. Часть крестьянства также мечтала о возврате к патриархальной старине натурального хозяйства и создавала ряд сект, проникнутых духом христианского социализма, - сект, близких к толстовству, сект, на которые опиралось толстовство. Это была демократическая струя толстовства. Обе струи мирно двигались в общем потоке.

Но теперь буря революции нарушила и это единство. Дворянская часть толстовства, став лицом к лицу с революцией, выгоняющей помещика из его имения, ушла от революции в лагерь ее противников. Наоборот, демократическая часть течения, опиравшаяся на духовоборов и других сектантов, увидела в революции черты, если не религиозного коммунизма, о котором она мечтала, то, во всяком случае, движения ему родственного, увидела возможность создания такого строя, когда крестьянство не будет страдать от эксплуатации капитала. И оно отдало свои симпатии революции, Советской власти и партии коммунистов.

Картину, если не полного распада толстовства, то перерождения консервативной его части дает вышедшая недавно в Вене книжка Ив. Наживина - "Записки о революции".